Посвящается Слаю

Вы изображаете обнаженную женщину, потому что вам нравится смотреть на нее, вы даете ей в руку зеркало и называете картину «Земное тщеславие», таким образом порицая женщину, наготу которой вы изобразили ради собственного удовольствия.

Реальная функция зеркала была иной. Оно было нужно для того, чтобы женщина сама санкционировала отношение к себе как — главным образом и в первую очередь — к зрелищу.

Джон Бергер. *«Искусство видеть»*[1]

---

[1] Перевод с английского Евгении Шраги. СПб.: Клаудберри, 2012. С. 60

ПРЕДИСЛОВИЕ

КОГДА ЛЕТОМ 2020 года Меган Ти Сталлион и Карди Би выпустили клип на сингл WAP (сокращение от Wet-Ass Pussy), он буквально взорвал интернет, набрав 25,5 миллиона просмотров за 24 часа, оказавшись в итоге на первом месте в американских и мировых чартах, и стал первой женской коллаборацией, которой когда-либо удавалось сделать нечто подобное. Интернет моментально заполнился спорами о гиперсексуальных аспектах клипа и текста песни. Многие специалисты в области культуры называли сингл сексуально-позитивным гимном и утверждали, что, читая рэп о явных сексуальных деталях и своих желаниях, Карди и Меган заявили о собственной свободе выбора и осуществили запоздалую смену ролей. Однако некоторые считали, что песня и клип отбросили феминизм на сто лет назад.

Предыдущий клип, который вызвал подобные жаркие дебаты о расширении прав и возможностей женщин и сексуальности, вышел в 2013 году, к композиции Blurred Lines, написанной и исполненной

Робином Тиком, Фарреллом и T.I. В клипе три девушки танцуют практически обнаженными. Я была одной из этих девушек.

Сингл Blurred Lines в одночасье привел двадцатиоднолетнюю меня к славе. На сегодняшний день цензурированная версия клипа, в которой наша нагота частично скрыта, набрала примерно 721 миллион просмотров на Ютубе, а сама песня стала одним из самых продаваемых синглов всех времен. Оригинальную версию удалили с Ютуба вскоре после выхода. Видеохостинг сослался на нарушение использования услуг сайта. Потом она все же была восстановлена и снова удалена, что только усилило ее противоречивую привлекательность. Критики осудили видео, назвав его «восхитительно женоненавистническим» из-за того, что я и остальные модели привлекли столько внимания.

Меня, а точнее установки насчет моего тела, внезапно начали обсуждать и анализировать буквально все, от теоретиков феминизма до мальчиков-подростков. Критики признали видео «невероятно мизогинным[1]» из-за того, что я и мои коллеги-модели были объективированы[2].

---

[1] Женоненавистническим. Мизогиния — ненависть, неприязнь либо укоренившееся предубеждение по отношению к женщинам (девушкам, девочкам).

[2] Объективация (от лат. objectivus — «предметный») — опредмечивание, превращение в объект, мыслительный процесс, благодаря которому ощущение, возникшее как субъективное состояние, преобразуется в восприятие объекта. Объективация — акт проекти-

Когда журналисты решили выяснить мое мнение об этом видео, я удивила всех, ответив, что вовсе не считаю его антифеминистским. Я сказала репортерам, что, по-моему, женщины должны расценивать мое выступление как вдохновляющее. Это мое заявление насчет Blurred Lines появилось в эпоху феминистской блогосферы, книги *«Не бойся действовать: Женщина, работа и воля к лидерству»* и заголовков вроде «Почему женщины до сих пор не могут иметь всего?» на обложках крупных журналов, но до популяризации термина *«феминистка»*, до танца Бейонсе перед гигантской неоновой вывеской «ФЕМИНИСТКА» и до продаж модных футболок с надписью «ФЕМИНИЗМ». Многих возмутило то, что девушка, снявшаяся обнаженной в популярном клипе, осмелилась назвать себя феминисткой, в то время как другие, в основном молодые женщины, сочли мою точку зрения новаторской. Я утверждала, что чувствую уверенность в своем теле и в своей наготе, и кто мог сказать мне, что я не обладаю силой, танцуя обнаженной? Более того, разве попытки указать мне, что делать с собственным телом, не направлены против

рования наружу некоторых наших внутренних ощущений, обретения внешней, объективной формы существования. Термин используется применительно к чему-то субъективному, психическому или в отношении к какой-то внутренней, имплицитной, скрытой сущности. В психологии — процесс и результат локализации образов восприятия во внешнем мире — там, где расположены воспринимаемые источники информации. (Википедия)

женщин? Я напомнила миру, что феминизм — это личный выбор и никто не смеет контролировать меня.

Спустя пару лет после выхода Blurred Lines я написала эссе «Женщина-ребенок» о взрослении и стыде, которые испытывала из-за своей сексуальности и формирующейся фигуры.

Самое унизительное чувство я испытала даже не во время работы моделью и актрисой, а раньше — в средней школе, когда один из учителей щелкнул бретелькой моего бюстгальтера, чтобы отругать за то, что она выскользнула из-под майки. Для меня проблема заключается не в том, что девушки сексуализируют себя сами, как хотели бы убедить нас в этом феминистки и антифеминистки, а в том, что их стыдят за это. Почему именно мы должны приспосабливаться? Прикрываться и извиняться за свои тела? Я устала от чувства вины из-за того, что демонстрирую собственное тело.

Мои взгляды сложились в подростковом возрасте, наполненном всевозможными сигналами, которые были связаны с формированием фигуры и сексуальностью. В тринадцать лет я совершенно растерялась, когда папа тихо предложил «не одеваться так только на сегодняшний вечер», когда мы с родителями собирались пойти в дорогой ресторан. На мне были розовый кружевной топ и бюстгальтер пуш-ап. Мама всегда убеждала меня, что я могу получать удовольствие от того, как выгляжу, и именно этот комплект привлекал ко мне пристальное внимание и взрослых

мужчин на улице, и моих сверстников в школе. Внезапно я почувствовала себя неловко из-за того, что являлось источником моей гордости.

Я не понимала, почему моя двоюродная сестра, почти на двадцать лет старше меня, ворвалась в гостиную, запыхавшись, после того как оставила меня на несколько минут наедине со своим приятелем. Я не знала, чего она испугалась, хотя инстинктивно понимала, что значил язык тела ее друга: то, как он откинулся на диван, подался бедрами вперед, а его губы растянулись в извращенную приглашающую улыбку. Я была ребенком, но могла различить мужское желание, даже если не до конца понимала, что с этим делать. Считалось ли это чем-то хорошим? Или тем, чего следует бояться? А может быть, стыдиться? Казалось, это было всем сразу.

Я закончила эссе «Женщина-ребенок» разговором с учителем рисования, который произошел в первый год моего обучения в художественной школе. Когда я показала ему нарисованную углем обнаженную женщину, он предложил: «Почему бы не нарисовать женщину с такой узкой талией, что она упадет и не сможет встать?» Учитель посоветовал мне или «сыграть на стереотипах стандартов красоты, или показать угнетение». Не верилось, что существуют всего лишь эти два варианта.

Большую часть своей жизни я думала о себе как о сообразительной мошеннице. Понимая, что у меня есть товар, который ценит мир, я гордилась тем, что

построила жизнь и карьеру на своем теле. Я осознала, что в той или иной степени всех женщин объективируют и сексуализируют, так что я могла бы сделать это на собственных условиях. Я подумала, что сила именно в моей способности сделать выбор.

Сегодня я читаю это эссе, смотрю интервью того периода моей жизни и чувствую нежность к юной себе. Моя защитная реакция и демонстративное неповиновение теперь хорошо мне видны. То, что я писала и проповедовала тогда, отражало мои идеалы, но в этом отсутствовала гораздо более сложная картина.

Во многих отношениях я, несомненно, была вознаграждена за то, что извлекла выгоду из своей сексуальности. Я стала узнаваема во всем мире, собрала многомиллионную аудиторию и получила за рекламные и модные кампании больше денег, чем мои родители (профессор английского языка и учитель рисования) когда-либо мечтали заработать за всю свою жизнь. Я создала платформу, выкладывая свои фотографии в интернет, делая мое тело и имя узнаваемыми, что, по крайней мере частично, дало мне возможность опубликовать эту книгу.

Но в других, менее видимых обществу отношениях я чувствовала себя объективированной и ограниченной своим положением в мире в качестве так называемого секс-символа. Я извлекла выгоду из своего тела в рамках цисгетеро-капиталистического патриархального мира, в котором красота и сексуальная привлекательность ценятся исключительно через

удовлетворение мужского взгляда. Какое бы влияние и статус я ни приобрела, они были предоставлены мне только потому, что я привлекаю внимание мужчин. Моя позиция приблизила меня к богатству и влиянию и даровала мне некоторую независимость, но это не привело к истинному расширению прав и возможностей — это я получила только сейчас, написав эссе и озвучив собственные мысли и чувства.

Эта книга наполнена идеями и событиями, с которыми я не хотела сталкиваться или, возможно, не могла столкнуться ранее в жизни. Я отмахивалась от болезненных переживаний или от тех, которые не соответствовали тому, во что я хотела верить: я была женщиной, наделенной возможностями благодаря превращению ее образа и тела в товар.

Столкновение с более сложной реальностью оказалось тяжелым — жестоким и разрушительным для личности и картины мира, за которые я отчаянно цеплялась. Я была вынуждена узнать неприглядную правду о том, что считала важным, что называла любовью, что, по моему мнению, делало меня особенной, и обнаружить реальность моих отношений со своим телом.

Я все еще пытаюсь понять, как отношусь к сексуальности и расширению прав и возможностей. Цель этой книги не в том, чтобы найти ответы, а в том, чтобы честно разобраться в важных для меня идеях. Я стремлюсь изучить различные зеркала, где видела себя: в глазах мужчин и других женщин, с кем

я себя сравнивала, и на бесчисленных фотографиях, на которых я запечатлена. Эти эссе повествуют о глубоком личном опыте и последующем пробуждении, что определило мою молодость и изменило мои убеждения и установки.

Уроки красоты

1

— Когда ты родилась, — начала моя мама, — врач поднял тебя и сказал: «Посмотрите на нее! Она красивая!» И это правда. — Она улыбнулась. Я слышала эту историю много раз. — На следующий день он привез своих детей в больницу, просто чтобы показать тебя. Ты была таким красивым ребенком.

На этом обычно рассказ завершался, но сейчас мама продолжила. Только прежде на ее лице появилось знакомое невинное выражение, которое я привыкла видеть перед тем, как она скажет мне или моему отцу то, чего, по ее мнению, говорить не следует. Я собралась с духом.

— Забавно — произнесла она с легкой улыбкой на губах. — Я недавно разговаривала с братом… — Она начала имитировать его акцент Восточного побережья: — «Кэти, Эмили была красивым ребенком. Но не таким красивым, как ты. Ты была самым красивым ребенком, которого я когда-либо видел». — Она пожала плечами, а затем покачала головой, словно говоря: «*Разве это не бред?*»

Я на мгновение задумалась, чтобы решить, какого ответа мама ждет от меня, пока не поняла, что она смотрит в окно, больше не обращая на меня внимания.

2

Разговариваю с помощником парикмахера, пока мне делают прическу и макияж для фотосессии.

— Твоя мама красивая? Ты похожа на нее? — спрашивает он, пропуская пальцы сквозь мои волосы.

Он наносит средство на их кончики и изучает мое отражение в зеркале перед нами. Затем делает комплимент моим бровям.

— Они хороши, — заявляет он, хватая расческу. — Кто ты по национальности?

Я привыкла к подобным разговорам на съемочной площадке; они почти всегда однотипные, и я хочу закончить его как можно быстрее. Мне не нравится, что белые женщины используют этот вопрос как возможность указать свою национальность в попытке звучать «экзотично»: *я на тринадцать процентов это и на семь процентов то.* Вместо этого я просто говорю:

— Я белая девушка.

Мой парикмахер смеется.

— Ладно, белая девушка. — Он широко ухмыляется. — Однако я могу сказать, что в тебе есть что-то еще. — Он поджимает губы и переносит свой вес на одну ногу, выставляя бедро. Говорит, что он по большей части мексиканец.

— Так что насчет твоей мамы? — искренне интересуется он. — Такая же красивая, как и ты?

— Да, — отвечаю я. — Она красивее меня.

Брови парикмахера взлетают вверх. Он возвращается к расчесыванию наращенных волос, которые держит в руке.

— Что ж, я уверен, *это* неправда, — произносит он. Я привыкла к тому, что людям иногда становится неловко, когда я это говорю.

— Это правда, — ровным голосом отвечаю я. Полностью уверена в этом.

3

Красота моей мамы классическая: широко посаженные зеленые глаза, крошечный изящный носик, миниатюрное тело и, как она бы сказала, фигура «песочные часы». На протяжении всей жизни ее сравнивали с Элизабет Тейлор, и я согласна с этим. Люди старшего поколения говорили ей, что она похожа и на молодую Вивьен Ли. И *«Национальный бархат»*[1], и *«Унесенные ветром»*[2] — фильмы, которые мои родители хранили в небольшой коллекции видеокассет рядом со своей кроватью. В детстве, когда я пересматривала эти фильмы бесчисленное количество раз, мне представлялось, будто я вижу более молодую версию своей матери, оказавшуюся

---

[1] National Velvet — фильм Кларенса Брауна 1944 года с Микки Руни и Элизабет Тейлор.

[2] Gone with the Wind — фильм Виктора Флеминга, Джорджа Кьюкора и Сэма Вуда 1939 года с Вивьен Ли и Кларком Гейблом.

в мире южных красавиц. Вивьен Ли опускала глаза под взглядом Кларка Гейбла, и я вспоминала рассказы мамы о том, как мальчики-поклонники стояли на лужайке под окном ее спальни в старшей школе. Я воображала себе шелковистую текстуру ее ленты королевы выпускного вечера и вес сверкающей короны на голове — все это можно увидеть на фотографиях из выпускного альбома.

4

В гостиной моих родителей стоит деревянный комод со столовым серебром и фарфоровым сервизом внутри. На нем — фотографии в рамках, сувениры из путешествий и несколько небольших скульптурных работ моего отца. Гостей всегда привлекает одна из фоторамок с двумя круглыми изображениями, игриво наклоненными друг к другу. Справа — черно-белая фотография моей мамы из начальной школы, ее волосы заплетены в короткие косички. Слева — моя фотография, сделанная примерно в том же возрасте, волосы с лица убраны черной повязкой. Две девочки широко улыбаются. Если бы не качество старой фотографии и год, напечатанный в правом углу, можно было бы подумать, что на этих изображениях один и тот же ребенок. «Кто есть кто?» — спрашивают гости.

5

В детстве мои волосы постоянно путались. После ванны мама использовала спрей для облегчения расчесывания и щетку, чтобы распутать колтуны. Го-